

Институты литературы и государственная власть в России XIX века

Аннотации докладов

15 октября, четверг

Заседание первое

Алексей Вдовин. Институциональный ресурс и индустрия хрестоматий в имперской России (на примере "Русской хрестоматии" А.Д. Галахова).

В докладе на примере одного из самых успешных педагогов-словесников Российской империи А.Д. Галахова будет рассмотрено, с помощью какой именно институциональной поддержки ему удалось продвинуть свои хрестоматии и пособия в различные учебные заведения. В центре внимания окажется ранний период деятельности Галахова (1840-50-е годы), когда он, на волне успеха трех пособий 1840-х годов создает по заказу Главного штаба военных учебных заведений Программу и конспект по русскому языку и словесности для кадетских корпусов, получает финансовую поддержку, кафедру словесности в Николаевской академии Ген. штаба и доступ к типографиям Военного министерства. Доклад будет построен на архивных материалах, которые позволяют хотя бы частично реконструировать механизмы государственной поддержки издательских предприятий Галахова.

Юлия Сафронова. Литература "не по возрасту": учителя и чиновники Святейшего Синода о круге чтения семинаристов 1870-х гг.

На протяжении 1870-х гг. представление о статусе и степени запрещенности нелегальной литературы оставались размытыми. Один и тот текст мог быть одновременно запретным и разрешенным в зависимости от формы бытования или категории читателя. Особенно противоречивым в этой ситуации оказался статус читателей-учеников духовных семинарий. При определении круга их чтения рассматривался не только принципиальный запрет на тот или иной текст или возрастные ограничения, но так же его потенциальная роль в формировании будущего духовного пастыря. Существовали две противоположные позиции по поводу допустимости знакомства семинаристов с тенденциозной литературой: полный запрет или подробное знакомство под контролем преподавателя, обеспечивающее в будущем способность священнослужителей опровергать «лжеучения».

Доклад посвящен реакции чиновников и учителей святейшего синода на случаи чтения их воспитанниками запрещенной литературы. Основной тезис заключается в том, что в отсутствие четких критериев запретного, а также указаний о степени допустимости знакомства будущих пастырей с социалистическими идеями преподаватели оказались не способны распознавать запрещенную литературу и не готовы наказывать своих учеников за знакомство с ней.

Яна Агафонова. Литература для народа и аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века

В докладе Яны Ярославовны Агафоновой будет рассмотрен вопрос о специфике государственного проекта народного просвещения, инициированного Комиссией по устройству народных чтений, состоявшей при Министерстве народного просвещения. Издания воспитательной литературы и официальные планы строительства центральной аудитории для народных чтений позволяют выявить общую систему ценностей, в соответствии с которой требовалось преобразовать народного субъекта: воспитать у него принципы общежития, убедить соблюдать гигиену и трезвый образ жизни, а также поднять престиж образования в целом и чтения в частности. Рассмотрение истории и способов организации народных чтений позволяет также выявить ранние механизмы и стратегии косвенного контроля государства за полуграмотной массой людей.

Наталья Гринченко, Наталья Патрушева. Система обязательного экземпляра произведений печати в России в XIX — начале XX века.

Одной из функций цензурных органов было обеспечение комплектования крупнейших библиотек Российской империи бесплатными экземплярами всей выходившей в стране печатной продукции, так называемая система обязательного экземпляра. Она была введена в 1783 г. для Библиотеки С. Петербургской Академии наук, с 1810 г. действовала для Императорской Публичной библиотеки. С течением времени менялся количественный и видо-тематический состав комплектов обязательного экземпляра. Наряду с комплектованием национального библиотечного фонда система давала возможность вести контроль за содержанием произведений печати.

В докладе сделана попытка охарактеризовать суть системы обязательного экземпляра; показать, как она формировалась и осуществлялась, какую имела цель; осветить проблемы функционирования системы (отношение к ней частных издателей и влияние на нее неблагоприятных ситуаций политического характера), ее особенности и противоречия.

Заседание второе

Алина Бодрова. Ранняя история Вольного общества любителей российской словесности (1816-1819): между автономией и государственными привилегиями

Доклад посвящен проблематизации и анализу положения институционализированных литературных объединений конца 1810-х -- первой половине 1820-х гг., описанию их стратегий, сочетавших тенденции к автономизации и использование известных моделей государственного патронажа. Опираясь на широкий круг материалов из архива Вольного общества любителей российской словесности (1816--1825), докладчик показывает, каким образом его участники и руководители использовали новые возможности внутри литературного поля наравне с административно-властными ресурсами, доступ к которым открывало покровительство министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына. Позиции ВОЛРС рассматриваются в сопоставлении с другими литературными и учеными обществами 1810-х - начала 1820-х гг. В качестве специального кейса

проанализирована история официального утверждения ВОЛРС, в ходе которой Обществу пришлось столкнуться с противодействием А. С. Шишкова, стремившегося сохранить монополию возглавляемой им Академии Российской в поле просветительской и литературной деятельности. Подобная институциональная оптика позволит связать материал истории литературных объединений с более широкой социально-исторической проблематикой – определением и описанием «публичной сферы», истории ее формирования и ее роли в становлении гражданского общества.

Михаил Велижев. Конкуренция институтов: эпизод из истории ранних полемик между западниками и славянофилами.

Доклад Михаила Велижева посвящен одному из первых эпизодов в истории соперничества московских "западников" и "славянофилов" - спорам зимы 1839-1840 гг. В этом богатом материале сюжете нас прежде всего интересует институциональная структура полемики. Мы постараемся ответить на вопрос, в каких публичных пространствах представители разных взглядов на русскую историю конкурировали между собой и какие именно сферы они считали для себя более значимыми. Далее, мы попробуем описать, как Хомяков, И.В. Киреевский, Чаадаев, Грановский и др. смотрели на сам факт дискуссии в интеллектуальном поле. Как мы постараемся показать, в этот момент будущие лидеры двух лагерей сосуществуют в одном понятийном и институциональном пространстве, а разлом происходит в другой точке: так, желание Грановского полемизировать и поддерживать дружеские отношения с противниками вызывает активное неприятие Бакунина, природу которого мы и планируем истолковать в нашем сообщении.

Дмитрий Бадалян. Журналистика и власть в России 1830–1840-х годов: отношения патроната и клиенты в ситуации межведомственных столкновений

В докладе рассмотрена система неформальных отношений, обмена неофициальными услугами, связывавшая крупных государственных деятелей с редакциями периодических изданий, литераторами, учеными, а порой и цензорам. В центре внимания – особенности механизма неформальных связей, использовавшихся в 1830–1840-х гг. III отделением и Министерством народного просвещения, т. е. ведомствами, имевшими непосредственное влияния на журналистику и литературу. Специфика рассматриваемого периода связана со скрытой борьбой за влияние на прессу и общественное мнение, которую оба ведомства вели между собой в то время и вовлекали в нее свою клиентелу. Будет показана негласная иерархия покровительствуемых изданий, выработанная и закреплённая III отделением, которую соблюдали в официальных отношениях высокопоставленные чиновники, включая С. С. Уварова. Рассмотрена «пирамида патронатов» и обеспечивающий ее обмен ресурсами, отмечены характерные элементы сценариев покровительства.

Екатерина Лямина, Наталья Самовер. Похороны И.А. Крылова: как в 1844 г. в Петербурге к штыку приравняли перо.

В сообщении рассматриваются обстоятельства и контекст погребения И.А. Крылова (13 ноября 1844 г., Петербург). С опорой на мало использовавшиеся или впервые вводимые в исследовательский оборот источники выявляются специфические прагматика и семиотика

таких черт этих похорон как их организация, предварительные административные распоряжения, состав присутствующих, оформление гроба и похоронных принадлежностей и т.д. Высказываются соображения о том, чьими усилиями и с какой целью погребение Крылова было превращено в похороны "фельдмаршала от литературы". Рассмотрены также отклики на смерть Крылова в российской и зарубежной печати

Заседание третье

Вера Проскурина (Emory University) Пушкин между Петром I и Екатериной II: журнал «Современник» 1836 г.

«Пир Петра Первого» открывал первый том «Современника» и служил своеобразным посвящением журнала императору Николаю I. К началу издания Екатерина II, наряду с Петром I (милость царя в «Пире Петра Первого»), входит в показательный ряд, дающий образцы идеализированной монархии. «Капитанская дочка» составляла основную часть содержания IV тома за 1836 год. Начало и конец пушкинского «Современника» символически зафиксировали это движение от Петра I к Екатерине II. В спорах писателей «пушкинского круга», продолжением которых стало издание «Современника», происходило конструирование модели взаимоотношений с властью, совершенно утопической, противоречивой и не имевшей шансов на реализацию.

Олег Проскурин К генезису стихотворения А. С. Пушкина «Из Alfred Musset / Из Пиндемонти» (Дружеская переписка - журнал - цензура - поэзия) (Тезисы)

Стихотворение Пушкина «Из Alfred Musset / Из Пиндемонти» (1836) тесно связано с содержанием и проблематикой «парижских писем» А. И. Тургенева, подготовкой - на их основе - статьи «Париж: Хроника русского» для «Современника» и сопутствующим этой подготовке приспособлением текста к цензурным условиям. В возникновении пушкинского стихотворения, таким образом, оказались косвенно повинны по крайней мере три литературных института: дружеская переписка – журнал – цензура.

Стихотворение ни в коем случае не должно читаться как «одно из наиболее откровенных и глубоко субъективных» стихотворений позднего Пушкина (Н. В. Измайлов). Оно изначально замышлялось и строилось не как выражение заветных «мыслей и чувств» поэта, а как «чужое слово»; это не «монолог Пушкина», а монолог европейца, *французского автора, ориентированный на французскую политическую проблематику*. Имя А. Musset - не цензурная маска, а важнейший элемент художественной структуры стихотворения. При этом, однако, и фигура А. Мюссе оказывается достаточно условной: она вбирает в себя позиции некоторых других французских литературных деятелей, исключительно важных и привлекательных для Пушкина 1830-х годов.

Содержание стихотворения невозможно понять без знания актуального политического контекста и политической истории Июльской монархии. Три «права», в реализации которых лирическому субъекту «отказали боги» (участие в обсуждении налогов, войны и свободы печати), теснейшим образом связаны с центральными событиями французской (и европейской) политической жизни 1835 – 1836 года и с деятельностью Палаты депутатов и кабинета Тьера. (NB. Будет много редких картинок!)

В заключении доклада будет предпринята попытка показать непростую и неоднозначную связь стихотворения (и позиции его лирического субъекта) с *реальной* политической позицией Пушкина в 1836 году. Будет затронут вопрос о причинах превращения заголовка стих-ния «Из Alfred Musset» в «Из Пиндемонти».

Илья Веницкий. Царская милость и советская пакость: Дело о «Гавриилиаде» и процесс Синявского и Даниэля

Царская милость и советская пакость: Дело о «Гавриилиаде» и процесс А. Синявского и Ю. Даниэля

1. В истории литературы споры о происхождении и подлинности сенсационных автографов часто приобретают острое политическое звучание и вовлекают в свою орбиту не только авторов, журналистов и литературных экспертов, но и различные властные и общественные институты. В том числе, как мы постараемся показать, и зарубежные.

2. Мой доклад посвящён обратившей на себя пристальное внимание английских и американских журналистов и историков одноименной публикации на одной странице «Комсомольской правды» 12 февраля 1966 года отчета о судебном процессе Синявского и Даниэля накануне приговора и статьи собственного корреспондента газеты С. Феклистова об идентификации неким видным пушкинистом «уникальнейшей» находки письма Пушкина с признанием Николаю I в авторстве «Гавриилиады». В последней особо подчеркивалось, что после признания поэта в авторстве крамольной поэмы царь его, как это было ему свойственно, великодушно простил и дело было закрыто.

3. Ссылки на эту статью как аллюзионный исторический урок и упрек советским властям продолжались вплоть до начала 1970-х годов в английской, французской, испанской и немецкой прессе.

4. В настоящем докладе меня не интересует замечательная во всех отношениях история профессиональных споров о подлинности письма Пушкина к Николаю I. В соответствии с темой нашей конференции («Институты литературы и государственная власть»), в центре моего внимания будет «культурный смысл» неожиданного и весьма широкого политического резонанса, который произвела информация о статье С. Феклистова в СССР и на Западе. Мой доклад – часть большой работы о рецепции пушкинской фривольной поэмы – посвящен влиятельной идеологеме великодушной милости государя, прощающего признавшегося в юношеской проделке поэта.

16 октября, пятница

Заседание четвертое

Александра Романова. И.А.Гончаров и другие литераторы его эпохи в Министерстве финансов

В докладе Александры Владимировны Романовой обобщены данные о служебной деятельности И.А. Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в качестве чиновника, но не в качестве переводчика и не в качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина на фрегате "Паллада". Хронологический период - с мая 1835 года по ноябрь 1838, с 1845 до октября 1852 года и с весны 1855 до начала 1856 года, когда Гончаров перешел

на должность цензора. Ставится вопрос о том, каков был характер службы Гончарова с 1845 по июль 1851 года, когда он был официально назначен младшим столоначальником.

Сергей Гуськов Иван Гончаров — сочинитель и чиновник

Докладчик подвергнет критике общепринятое мнение об антагонизме служебной карьеры и творческого пути в судьбе автора «Обломова». Такого мнения придерживались исследователи творчества Гончарова, современники Гончарова и даже сам Гончаров. Но это мнение ошибочно. На примерах из раннего творчества писателя, его романов и публицистических произведений, а также биографических сюжетах будет показано, каким образом происходило взаимодействие двух социальных ролей Гончарова, в исполнении каждой из которых он достиг успеха.

Надежда Калинина -- И.А. Гончаров в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания и в Главном управлении по делам печати (1863—1867)

Аннотация будет представлена позже

Заседание пятое

Екатерина Вожик. От фельетонов к радикальной критике

В фокусе внимания докладчика — жанр фельетона, понимаемый как продуктивная литературная форма и, более того, особая манера повествования, которая способна распространяться на тексты других жанров. Анализ повествовательной формы фельетонных произведений И. И. Панаева, А. В. Дружинина и М. В. Авдеева, публиковавшихся на страницах журнала «Современник» в 1850-е годы, позволяет показать, что фельетон превращается в пространство для обсуждения свойств, границ и функций самой литературы в период «мрачного семилетия», когда, как принято считать, литературная жизнь приходит в упадок. В докладе также будет сделана попытка указать на значимость фельетона для радикальной критики 1860-х годов: с учетом достижений фельетонистов более раннего времени Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев проектируют будущее литературы, противопоставляя государственной власти власть литературную. Таким образом, становится возможным говорить об особой идеологии жанра фельетона, свидетельствующей о возрастающей автономии литературы и постепенном складывании публичной сферы.

Кирилл Зубков «Прилично ли такое представление в театре»: драматическая цензура середины XIX века на страже нравственных норм

Согласно широко распространенному представлению о цензуре, сотрудники соответствующих ведомств прежде всего интересовались политическим смыслом рассматриваемых им произведений. В действительности, однако, цензоры постоянно оценивали произведения не только в политическом, но и в эстетическом и нравственном отношениях. В докладе рассматриваются категории «нравственности» и «приличия», которыми часто оперировала драматическая цензура в Российской империи. В этом смысле

российская цензура не была исключением: схожие проблемы беспокоили, например, английских и французских цензоров этого периода. Сотрудники драматической цензуры постоянно искали в рассматриваемых произведениях не только возможной угрозы государству, но и нарушения «приличий», особенно представлений привилегированных слоев общества о сексуальной жизни и семейных ценностях. Хотя возможности прямо повлиять на решения цензоров у общественности не было, в их рапортах постоянно возникали ссылки на нравственные нормы, которые та или иная пьеса нарушала. В докладе показано, что на протяжении 19-го века представления цензоров об обществе, его стратификации и его нормах менялись, а вслед за ними изменялись и принципы интерпретации драматических произведений. Если в эпоху Николая Первого цензура считала себя вправе диктовать почти всем сословиям, кроме светских дам, что считать приличным, то к середине 1860-х гг. цензоры пытались учесть различные представления о морали, характерные для многообразных социальных групп, встречавшихся в зрительном зале. Соответственно со временем цензоры пришли к убеждению в том, что зритель не просто непосредственно реагирует на происходящее на сцене, но способен сложным образом интерпретировать произведение и отзываться не столько на отдельные образы или выражения, сколько на тот смысл, который им можно было придать в контексте драматического произведения.

Михаил Макеев. Афанасий Фет – мировой судья. (формулировка доклада скорректирована)

Михаил Сергеевич Макеев в своем докладе покажет, чем Фета привлекла должность мирового судьи. Ответ заключается в том, что три особенности этого судебного органа были для него значимы: 1) отсутствие жалования, не дававшее превратиться этой должности в хлебную, 2) солидный имущественный ценз, заведомо закрывавший путь в мировые судьи крестьянам и бедноте, 3) минимальное количество бюрократических и юридических формальностей, связанных с отправлением мировым судьей своих обязанностей. Это делало в глазах поэта мировой суд своего рода моделью идеального государственного управления, в котором ключевая роль принадлежит таким как он сам: людям не только солидным и опытным, но и обладающим развитым чувством меры и такта, хорошо знающим природу вообще и природу человека в частности. Докладчик тем самым постарается аргументировать утверждение, что и на этом «участке» жизни поэта не было противоречия между творчеством и практической деятельностью и навыки, важные для поэта, оказываются не чуждыми правителю.

Заседание шестое

Виктория Торстенссон “Влюбленный антропос”: Педагогический роман Б.М. Маркевича “Марина из Алого Рога” и система классического образования в России

Докладчик обратится к проблеме «писатель на государственной службе», и рассмотрит полемический роман «чиновника-литератора» Б.М. Маркевича «Марина из Алого Рога» (1873) в контексте его публицистической деятельности в качестве фельетониста «Московских ведомостей», а также его государственной и придворной службы в годы

разработки и продвижения гимназического устава 1871 г. Анализируя роль художественной литературы в создании общественного мнения, докладчик предложит исходить из того, что общий дискурс эпохи 60-70х гг. носил униформный характер; иначе говоря, политика, наука, журналистика и художественная литература не только говорили одним взаимопроницающим и универсальным языком, они решали одни и те же проблемы и оперировали одной и той же системой понятий, метафор и речевых клише, причем ареной для общего дискурса эпохи выступали толстые журналы. Поэтому понимание роли литературы в социальной и политической истории должно выходить за пределы демонстрации ее чисто иллюстративной роли. Несомненно, что во многом, функция рассматриваемого романа Маркевича по отношению к идеологическим и политическим установкам его автора остается иллюстративной. Иными словами, сюжетные ходы и особенно диалоги романа зачастую лишь иллюстрируют основные положения политической программы катковского круга и его взгляды на классицизм—как и требовалось в соответствии с уже сложившимися к тому времени основными жанровыми установками полемического романа, требующими прямой связи сюжета с острой общественно-политической проблематикой. Однако, кроме наглядной иллюстрации политических и педагогических идей, роман Маркевича стремится служить пропаганде и успеху гимназической реформы разработкой новых дискурсивных структур для разговора о классицизме, а также принятию реформы на аффективном уровне, путем создания моделей для подражания через яркие и вызывающие положительную идентификацию образы героев. Наконец, роман Маркевича служит своеобразным тестом эффективности реформы, показывая ценность классицизма с помощью жизненных историй и судеб персонажей романа. При этом, Маркевич, как приверженец «эстетического» направления, ставит искусству задачу произнести свой собственный суд, не позволяя «направлению» превратить роман в чисто дидактический. Однако, когда, на уровне построения сюжета, развитие любовной коллизии в романе вступает в конфликт с «направлением», Маркевич решает сконцентрироваться на любовном сюжете и отказывается от завершения идеологического и педагогического сюжета, тем самым невольно нивелируя ценность и жизненность своей идеологической программы. Именно поэтому роман Маркевича заслуживает быть прочитанным заново. Как своими удачами, так и провалами, «Марина из Алого Рога» представляется наиболее полной реализацией программы Маркевича по службе и государству и Музам

Кирилл Основат. "Наши комики никак не могут обойтись без правительства": политическая форма в "Ревизоре"

В докладе речь пойдет о соотношении жанра и темы "Ревизора": комедии и государственности. И собственные сочинения Гоголя о "Ревизоре", и знаменитый разбор Белинского, и отзывы других рецензентов (например, П. А. Вяземского), и даже реакция Николая I ясно показывают, что проблемы существования бюрократической империи и ее подданных, вопросы о подлежащих соблюдению правилах и постоянно наблюдаемых сбоях определяли проблематику гоголевской комедии. Ее прочтение, если не сводить его к биографическим обстоятельствам автора, должно, таким образом разворачиваться на пересечении политической и эстетической теории. В докладе будет предложен опыт такой интерпретации, опирающийся на теории Гегеля и их истолкования у Белинского и раннего Маркса.

Андрей Костин «Из Кяхты сделать вольную и безошлинную морскую гавань»: о неслучившейся маринистике в русской литературе XVIII века

аннотация будет прислана позже

Заседание седьмое, заключительное

Ingrid Kleespies In the Blink of an Eye: Forms of Imperial Vision in Goncharov's "Frigate 'Pallada'"

I consider Goncharov's response to the pervasive and wide-ranging culture of exhibition he encounters in London, the hub of empire and modernity in the mid-nineteenth century. Stemming from a modern, industrial aesthetics of visualization, display, and evaluation linked to developments in the field of optics, London's famed "exhibitionist" culture of the mid-1850s incorporated such diverse phenomena as museums, panoramas, moving dioramas, and technological demonstrations. The complex nature of Goncharov's response to London visual life, and in particular his critique of a Benthamite utilitarian culture of observation and assessment he perceives there, forms the core of my discussion. In his portrayal of English society, Goncharov crafts both a Russian and a literary response to the English "marketplace" wherein the English are ultimately shown to be consumed by their dedication to visually consuming information and goods. In taking his critical perspective on London, Goncharov deploys the very tools of English modernity itself, in the form of such scopic devices as the kaleidoscope, the panorama, and the moving diorama. "London" viewed through these lenses is a utilitarian city whose inhabitants have internalized the outward-looking colonial gaze and turned themselves into objects to be evaluated and exploited.

Валерия Соболев. Готическая Финляндия в российском имперском сознании (на материале литературы и публицистики сороковых годов XIX века)

Данный доклад представляет собой краткое изложение одной из глав моей недавно опубликованной монографии об имперской готике в русской литературе эпохи романтизма: *Haunted Empire: The Gothic and the Russian Imperial Uncanny* (Northern Illinois UP, Cornell UP, 2020). В этом докладе я продемонстрирую, как образ «готической» Финляндии, сконструированный в русских литературных текстах и журнальных публикациях сороковых годов XIX века, был связан с политическими и историческими проблемами русской имперской идентичности. Образ Финляндии в русском культурном и имперском сознании сочетал элементы знакомого и «своего» (см., например, многовековые контакты славянских и угро-финских народов и роль Финляндии в некоторых вариантах легенды о «варяжском призвании») и в то же время экзотического и «чужого» (присоединение значительной части Финляндии в начале XIX века и открытие «угрюмой» и величественной красоты финской природы, нередко воспринимаемой через призму оссиановского комплекса). Колебание между узнаваемостью и экзотической инаковостью Финляндии наделяло эту вновь приобретенную часть Российской империи элементом «жуткого» (фрейдовское *das unheimliche*), который усиливался традиционными ассоциациями Финляндии с колдовством, мистицизмом, предрассудками, а также распространенными в ту эпоху идеями о внеисторическом существовании финнов. Этот комплекс мотивов и ассоциаций был не исключительно эстетическим и мифологическим—он был связан и с

политической проблемой колонизации и ассимиляции Финляндии, ее включением в Историю вообще, равно как и в имперскую историю противостояния России и Швеции. Во второй части доклада я проанализирую, как сюжет включения Финляндии в историю и проблема трансформации «дикого финна» в субъекта империи по-разному трактуется в двух литературных текстах сороковых годов—романе Н. В. Кукольника «Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии при Петре Великом» (1845) и повести В. Ф. Одоевского «Саламандра» (1841-44). Литературное решение этой проблемы в готическом ключе в обоих текстах подтверждает идеологический потенциал готического жанра, способного поднимать актуальные общественные вопросы посредством традиционных литературных форм.

Ольга Майорова. Имперское пространство в «Преступлении и наказании».

Имперские взгляды Достоевского и его интерес к окраинам Российской империи известны по его публицистике, но они не занимают, казалось бы, заметного места в его романах, тем более в «Преступлении и наказании», одном из главных произведений «петербургского текста». В докладе, однако, сделана попытка (1) обратить внимание на тонкий слой ассоциаций, связывающих петербургскую тему с темой имперского пространства, и (2) показать, как мотив империи усложняет роман.